



А. Б. ПЕТРИЦЕВ

Чужие земляки

Одно время среди широких кругов публики наблюдался большой интерес к сборнику «Смена вех». Но эти в начале, пока сборник был легендой, и его могли читать лишь авгуры. авгуры шумели; среди них в первые ряды мужественно выделился гр. Гредескул; за ним в завуалированной дали виднелся гр. Адрианов. авгуры шумели; заинтригованная публика интересовалась.

— В чем дело? читали? слышали? как вы думаете, что это означает?

На первое в Питере собрание по поводу «Смены вех» сошлось немало чающих слышать. Выступил проф. Адрианов. Он говорил красно, с цитатами из Блока и Пушкина; говорил о том, — как пятеро граждан заграничной России: Ключников, Лукьянов, Бобрищев-Пушкин, Чахотин, Потехин, при участии шестого гражданина сибирской России Устрялова, решили «сменить вехи», и что они по этому случаю написали. В его заключительных словах горел восторг перед красотой зарев революции.

Он кончил. Перерыв. Среди чающих слышать упадок интереса и как бы недоумение:

— Только всего? Именно эти граждане меняют?

— Только всего... Именно эти...

— Ну, что же, — пусть меняют. Это их личное дело.» Нас не касается...

— Все-таки... Бобрищев-Пушкин раньше ставил вехи на Петра Аркадьевича¹, а теперь ставит вехи на Владимира Ильича². Это симптом...

— Какой там симптом... Партия последнего правительственного распоряжения... Была и есть...

— Во всяком случае, Владимир Ильич новыми поклонниками не обольщен...

Почему же? Все-таки увеличивается толпа бегущих за колесницей победителя...

— Увеличивается беженцами из бывших октябристов?.. Владимира Ильича этим не обольстишь. Он умнее, чем вы о нем думаете...

— А Гредескул-то... Совсем именинник.

— Еще бы... Его полку прибыло.

— Революция дело великое... Но любоваться ее варевыми, как павлиньим хвостом, — это что ж такое...

— Бог с ним. Нерон же любовался пожаром Рима.

— Так то Нерон.

— А это Адрианов... *Nomo eat et nihil humanum*³...

Перерыв кончен. Выступил от имени науки профессор Богораз⁴. Не очень было понятно, как она называется.

Судя по сообщениям делегата, ее, кажется, надо называть космической этнографией или космогонической этнологией.

Эта новорожденная наука делегировала своего представителя по случаю «Смены веков», по-видимому, для того, чтобы предупредить мирных граждан о близкой опасности; предстоит новая революция, страшнее, чем вулканическая, страшнее, чем титаническая...

— Урологическая? — трагически проворчал мой сосед, должно быть, страдающий ревматизмом.

Делегат не расслышал и сообщил, что на языке покамест нет слова, достаточно страшного, для названия революции, предсказываемой его наукою. Впрочем, все равно никто не испугался. Профессору Богоразу, счастливо унаследовавшему таланты беллетриста Тана, благодарно похлопали.

Потом был диспут, подогретый выступлением проф. Гредескула. И разошлись люди по домам ни горячими, ни холодными, ни даже очень теплыми. При нормальных своих температурах разошлись. Смею надеяться, что не слишком лихорадило и всех трех трудолюбивых профессоров.

Потом были другие собрания. И, может быть, еще будут. Были диспуты. «Смена веков» стала свободной и даже официально рекомендуемой книгой. И профессора трудятся, — особенно г. Гредескул. И перья скрипят, и языки не отдыхают. Некоторое подобие движения и шума создается. Но я бы погрешил против истины, если бы сказал, что по моим наблюдениям движение идет глубоко. Сколько я понимаю, оно не распространяется дальше очень ограниченного круга. В стакане... И не буря, а «колыханье сонного ручья». В широких кругах к сменовеховским трудам г. Гредескула либо ироническое отношение, либо никакого отношения. О самой Смене веков» прочитавшие говорят:

— Скучно... Об этой книге интереснее рассказывают, чем она есть на самом деле.

* * *

В этом равнодушии отчасти причинен г. Гредескул. По-видимому, он нецелесообразно трудится. Бывают люди, которые своим присутствием возбуждают логику противоречия. Он еще ничего не сказал, а вы уже с ним не согласны. Он сказал всего лишь: $2 \times 2 = 4$, а вы тем не менее чувствуете склонность к протесту:

— Нельзя, мол, так уверенно говорить о гипотезах. Это ведь гипотеза, что $2 \times 2 = 4$. Это надо еще доказать.

По моему мнению, такие люди вообще очень полезны: они обостряют или даже раскаляют критическую потребность. В этом смысле, с общей точки зрения, г. Гредескул играл полезную роль в рядах конституционно-демократической партии. Но с точки зрения частных интересов — той же хотя к.-д. партии, — за такую пользу не всегда можно быть благодарным. Думаю, не слишком благодарны г. Гредескулу за его полезную роль в настоящее время сменовеховцы и их единомышленники.

Не могу, однако, скрыть главной причины: сменовеховцы не должны быть слишком благодарными самим себе.

* * *

Вот, напр., Бобрищев-Пушкин... Лично меня его сменовеховская статья «Новая вера» обрадовала было сообщением чрезвычайно ценных и важных как будто фактических сведений о моральном престиже и материальном весе нашего отечества и нашего народа сейчас за рубежами.

Так он меня обрадовал, что чуть было не забылись мною публицистические своеобразности бывшего фельетониста «Голоса Москвы»⁵. Но мне досадно напомнил о них знакомый официальный человек. При встрече он предъявил мне обрывок парижской русской газеты (для него ежедневной, для меня исключительно редкой):

— Вот полюбуйтесь, что пишет Яблоновский...

Любуюсь: в предъявленном мне обрывке фельетонист когда-то «Сына Отечества», а ныне «Общего Дела» и противник сменовеховцев укоризненно скорбит, почему мы, литераторы, живущие в России, не кричим, что русский народ пропал, а русская земля погибла...

— Что вы на это скажете? — спрашивает знакомый официальный человек.

Пожимаю плечами:

— На всякий чих не наздравствуешься...

Почему мы, в самом деле, не кричим, что наш народ погиб, а наша земля пропала? Между прочим, потому, что не занимаемся распространением заведомо для нас вздорных и ложных сведений. И земля наша не пропала, и народ не погиб. Многие из нас ни на минуту не порывали связей с ним. Как к родному, шли к нему в разгар жесточайших шквалов, и в нем находили и продолжаем находить новые источники веры, надежды на будущее, моральную опору, а иногда и физическую защиту от шальных случайностей, — вроде тех, которые погубили Шингарева и Кокошкина. Каковы бы ни были сейчас исторические минуты, но великий русский народ жив и остается великим.

И до такой степени лично для меня это несомненно, что я лишь с трудом представляю, как мог г. Яблоновский написать свою нескладицу.

В самом деле. Живут там, за рубежом, два фельетониста. Пусть Россия от них загорожена. Но зарубежную-то жизнь оба они видят. Если бы г. Бобрищев-Пушкин о зарубежной действительности сочинил неправдоподобное, — г. Яблоновский закричал бы: «к позорному столбу». И уже по одному этому можно думать, что бывший фельетонист «Голоса Москвы» не сочиняет. Но если он говорит правильно, то как мог написать и напечатать эдакое бывший фельетонист «Сына Отечества»⁶: ведь его же на смерть осмеет г. Бобрищев-Пушкин, основываясь на том же самом фактическом материале, который использован в «Новой вере». Но ничего такого не случилось: г. Яблоновский, кажется, не пригвоздил к столбу г. Бобрищева-Пушкина, а г. Бобрищев-Пушкин, по-видимому, не похоронил своим смехом г. Яблоновского. Поневоле припоминаются былые шалости в «Голосе Москвы»: написано бойко, прямой неправдой не назовешь, но и правдой не признаешь.

* * *

Лично меня порадовала было основная тенденция сменовеховцев: назад в Россию. Они очень пространно мотивируют и обосновывают свое желание. Это немножко смешно. Но почему и не трогательно? Пусть обосновывают, — может быть, им так легче, удобнее. И не стоит обращать внимание на погрешности и нескладности в этих декларациях главное, все-таки, в том, что земляки желают к нам вернуться. Может быть, из этого что-либо и выйдет...

Но лишь только я стал утверждаться в таких мыслях мне вручили № 2 берлинского журнальчика «Сполохи»⁷:

— Вот познакомьтесь...

Познакомился... Оказывается, среди земляков, желающих снова слиться с русским народом, есть два течения: одно, сменовеховское, зовет к слиянию с русским народом через идейное примирение с наличной государственной властью; другое — старовеховское, что ли — считает возможным слиться, минуя наличную государственную власть. Точку зрения этого другого течения развивает некий г. Вл. Вальтер⁸. Он усматривает следующие «пути воссоединения эмиграции с утерянной физически родиной».

Во-первых, «в области практической среди русского народа растут и крепнут ярко выраженные собственнические инстинкты», и когда они вырастут и окрепнут, между эмиграцией и русским народом само собою установится единение и взаимное понимание.

Во-вторых, «в области духовной — во всех слоях общества не только в Совдепии, но и в эмиграции, пробуждается ярко выраженное возрождение религиозности. Выражается оно и в чисто церковной сфере (церкви в Совдепии переполнены молящимися), и в сфере свободного искания религиозного идеала, в той религиозной настроенности, которая является основой всякого возрождения духа».

Вот и понятнее стало, как может г. Яблоновский из Парижа сообщить г. Вальтеру в Берлин: пропал русский народ. Не в буквальном смысле пропал, а просто утратил желательные г. Яблоновскому качества. А г. Вальтер из Берлина может утешать г. Яблоновского в Париже: не окончательно пропал, ибо возрождается желательная нам плоть собственнических инстинктов, возрождается и желательный нам дух религиозности...

Понятнее. Но у г. Вальтера прежде всего целый ряд фактических неладностей. Не так просто обстоит с «собственническими инстинктами»: от их яркого выражения г. Вальтеру, может быть, не поздоровится. Не то происходит и в области духовной. В частности, не столь уж достоверны легенды о «переполнении церквей в Совдепии». Представьте, в Совдепии есть церкви закрытые и упраздненные волею самих бывших прихожан, либо вследствие полнейшей их холодности. А поскольку часть церквей время от времени наполняется и переполняется, — надо знать, кем и когда. В народных толщах сейчас не столько тяга к церкви, сколько религиозный кризис; можно даже сказать: религиозная революция, — бескровная, очень интимная, многозначительная и глубокая.

Независимо от фактических неладностей, есть у г. Вальтера и принципиальная невязка: сразу, одновременно он видит в русском народе и рост «ярко выраженных собственнических инстинктов»,

и «ярко выраженную» «религиозную настроенность, которая является основой всякого возрождения духовного»... Как же сочетать подъем сенсуалистического русского народного православия с ростом собственнических инстинктов? Ведь, чтоб такое сочетание стало мыслимым, гр. Вальтеру надо заменить сенсуализм⁹ народной веры тем, что наши богоискатели, вслед за Достоевским, называют материализмом протестанства, — самодовольной, самовлюбленной, чуждой исканий и порывов портативной религией обеспеченных и желающих обеспечить себя мещан. Такая замена была бы поистине страшным переворотом. И если нам предлагают альтернативу: либо переворот от духоборчества нашей народной веры к материализму сытого мещанства, либо гр. Вальтер останется за границей, то лично я ни на минуту не затрудняюсь сказать:

— Пусть г. Вальтер остается за границей.

Он хоть и земляк, но, знаете ли, бывают земляки хуже чужаков.

Между тем простоватый г. Вальтер, хоть и спорит с хитроватыми сменовеховцами, но по существу весьма недалеко стоит от них. И сменовеховцами возлагается некоторое упование на рост собственнических инстинктов, подкрепленный религиозными сдвигами. Так, напр., г. Ключникову требуется, чтобы Россия — и народ, и в особенности интеллигенция — «уловила начала мистического в государстве, прониклась мистикой государства»; требуется вместе с тем г. Ключникову, чтобы «богоискательство русского народа», «то самое, которое порою шло дурными, уродливыми путями», избрало новые пути, — «пути примирения абсолютных требований духа с относительностью условий жизни на земле»; требуется, чтобы русскими людьми была понята «абсолютная ценность относительного», и «яснее почувствована очень и очень относительная ценность абсолютных критериев» («Смена вех», стр. 50).

Итак, абсолютное нашей веры должно стать относительным, а относительное жизни абсолютным (собственность, например?), государственное мы должны обожествить (признать мистическое в полиции?), а божественное как будто омещанить. Сюда ли, в этом ли направлении ставит новые вехи г. Ключников?

Если сюда, то он освободился от некоторых недоразумений. Наши бывшие охранители имели склонность восторгаться народным православием, не догадываясь, что Степан Разин, Михаил Бакунин, Лев Толстой — одинаково законные дети этого православия. Теперь г. Ключников, кажется, догадался. Но не впал ли он в новое недоразумение? Не рассчитывает ли он на исчезновение духоборческой стихии, таящей возможности и величайших подъ-

емов идеализма и ужаснейших катаклизмов? Если рассчитывает, то напрасно: наша духовная стихия со всеми ее возможностями остается нашей стихией. Сейчас она отчасти приспособляется к новым государственным обстоятельствам, возникшим на основе очередного катаклизма, но больше приспособляет их к себе, ищет свою точку зрения на возникшие для нее самой неожиданности и неожиданные ею возможности...

Впрочем, зачем я говорю это г. Ключникову? Он ставит вехи для себя. Пусть ставит, как ему угодно.

* * *

— Но это же интереснейшие вопросы... Духоборческая стихия... Религиозная революция... Великий народ... Если не согласны — возражайте, спорьте...

Спорить? По какому случаю? С кем? Против чего?.. Ну, вот противник сменовеховцев г. Яблоновский пишет:

— Пропал, погиб русский народ...

Скажите, кто из среды эмигрантов — не исключая и самого г. Яблоновского — станет в серьез защищать фактическую достоверность столь сенсационного известия? Ведь, в сущности, это не мысль, а эхо носимых ветром звуков. Каценъямеристо настроенные событиями люди уже несколько лет ругательски ругают русский народ: матереубийца, вор, грабитель, скот, зверь, «поросенок, свинья; эфиоп, чёртов сын, неумытое рыло», и пр., и пр., и пр. Когда надоест ругать (одна речь не пословица) — начинают жалеть.

— Пропал бедняга... Погиб сердечный...

Благодарить Бога, — наслушались... Да и наспорились...

В памяти осталась у меня маленькая стычка с одним бывшим председателем земской управы. Он вот таким же порядком то бранился, то скорбел. Раз я не выдержал. Стал возражать.

— Ну, зачем так серьезно? — ответил он на мои резоны. — Человек с горя фасондепарляпает, а вы уж сейчас... всякое лыко в строку...

И вправду, ведь, фасондепарляпанье это и языков, и перьев. Фасондепарляпают с горя, в запальчивости и раздражении, для разговора, для агитации, для фельетона... По человечеству надо это понять. А серьезно считаться?.. Стоит ли?

Вот и разговоры также о росте собственнических инстинктов, о подъеме мистицизма, о переполненных церквях... Конечно, тут не просто дым... Под этим дымом есть и огонь.

И большой огонь. И нужно бы обследовать его. Но у нас слишком много говорили о таких дымах не из желания найти истину, а ради чисто политической цели — поскорей уловить симптомы.

— Смотрите, как собственнические инстинкты растут, — значит, скоро коммунизму крышка...

— Мистицизму-то, мистицизму сколько стало, — следовательно...

— Церкви переполнены, — стало быть...

Все эти «значит», «следовательно», «стало быть» стоят на много ли дороже «лимонов» 1922 г.? Они отпали. Остались оторванные и от истины, и от политических ожиданий голые звуки. Собственнические инстинкты, подъем религиозности. Ветер носит эти «факты». Охочий человек подхватил их, поставил рядом, сочетал синтаксически, быть может, даже не догадываясь, что он соединяет логически несоединимое, что тут одно противоречит другому, одно уничтожается другим... Поднимать по этому случаю споры и шумы? С какой стати!..

* * *

Беру статью г. Устрялова «Patriotica» — говорят, самую значительную в сборнике.

Г. Устрялов декларирует, что наша нынешняя русская революция так же национальна, как и французская 1789 г. «Основная линия развития» великой русской революции, по-видимому, в общем, совпадает с таковой же линией кой революции французской. В частности, обе они, видимо, подчинены закону, требующему спасти свое дело от собственных излишеств. Во Франции подчинение этому закону ознаменовано драмой 9 Термидора. Быть может, мы обойдемся без этой драмы, но наша революция уже вошла в термидорскую фазу:

«Революция уже не та (курсив г. Устрялова), хотя во главе ее все те же знакомые лица, которых ВЦИК отнюдь не собирает отправлять на эшафот. Но они сами вступили на путь Термидора, неожиданно подсказанный им кронштадтской Горой»...

Гора, Болото¹⁰, Конвент, Термидоры, Директория, Брюмеры...¹¹ Разве и это не «все говорят»? Эти бесконечные метафоры и аналогии не стали разве носимыми ветром звуками, которых до того много навязло в ушах, что слушать больше и не охота, и неловко? Очень уж они легки. Не чувствуется за ними вдумчивость. Не доказана их законность. И не доказана основная посылка г. Устрялова: русская революция *национальна*. Ведь, существует же другое мнение (оно высказано в печати еще в 1918 г.), что русские события последних лет,

в отличие от соответствующих французских конца XVIII в., имеют не национальный, а чисто *народный* и даже *слишком народный* характер. Не тот характер пьесы. И не те действующие лица. Там борьба двух центростремительных (в смысле государственном) сил: старая аристократическая и новая демократическая. У нас как будто другое. Наши центростремительные силы были страшно ослаблены революционной борьбой первых 14 лет XX века; остатки жестоко подорваны войной. Этим в 17-м году и воспользовались чрезмерно накопленные самодержавием центробежные силы. Так создалось положение, которое народ должен был использовать в своих интересах и выправить сообразно с этими интересами. Не одни журналы 18-го года говорили о своеобразии наших событий. И коммунистическая печать неоднократно указывала, как на основную историческую заслугу признанных вождей октябрьской революции, — что они овладели центробежной стихией, против которой были бессильны временные правительства всех комбинаций. Овладели, «подчинили, подчиняясь», а потом, создавая наскоро точки опоры или даже импровизируя их, принялись подавлять ее многоразличными способами, — начиная от вооруженных счетов с анархическим и максималистским бандитизмом и кончая более мирными чистками, продолжающимися до сих пор. Ига точка зрения считается с фактами, согласована с ними. Нельзя же ее попросту игнорировать.

Г. Устрялов уверяет, что поворот к новой экономической политике («путь термидора») подсказан «Кронштадтской Горой» (почему собственно Гора, а не Болото?¹²). Коммунистическая печать говорит другое: поворот произошел согласно желанию крестьянства. И, думается, это гораздо ближе к истине. Слухи о том, что 600 тысяч коммунистов управляют 150-миллионной Россией — весьма преувеличены.

В фабрично-заводских местах наши комиссары в сильной степени зависят от рабочих собраний, куда их то и дело требуют для объяснений. В деревнях бывали более свободны случайные и посторонние люди. Но и это постепенно отходит. Крестьянство овладевает волостными исполкомами, давит на уездные и городские центры, а через них давление передается и на центры общегосударственные. Отсюда не следует, конечно, что положение, сложившееся в 1917 г., уже выправлено, и центробежная стихия, залившая было всю страну, окончательно взята в руки. Нет, дело это затяжное, мучительное; до конца еще не близко. А все-таки давление крестьянства — уже официально признанный факт. И почему собственно этот капитальный факт нужно совсем игнорировать, а кронштадтскому эпизоду приписывать решающее значение? Для аналогий с французской революцией, что

ли, так требуется? И почему нужно искать аналогии во Франции? Не кажется ли проф. Устрялову, что было бы поучительнее вспомнить, как устанавливалась (хотя бы городская) власть победившей *народной* революции у нас дома при Алексее Михайловиче¹³ в местностях, завоеванных Степаном Разиным? Конечно, тогдашняя победа народной революции была слишком скоротечной. На примерах разиновщины можно проследить лишь первые шаги установления народной революционной власти. Но, ведь, можно найти поучительное и для последующих шагов. Не столь далеко от мест, где ныне обитает проф. Устрялов, развертывалась история Желтугинской республики¹⁴ во главе с президентом Прокуниным¹⁵. Вот это наше, русское, народное. А Робеспьеры — другое, и не наше, и не народное, а национальное.

Конечно, в массовых движениях должны быть некоторые общие законы, пока еще искомые. Но нельзя законы подменять аналогиями, тем более идущими слишком легко. Я понимаю раздражение того читателя «Смены вех» который говорил:

— Ждите, мол, ребяташки. Уже Термидоры. Не за горами и Брюмеры. Потом Наполеон. Потом и Людовик придет... Ох, уж эти мыльные пузыри. Обрыдло от них... И как это не надоест людям...

Хотелось бы думать, что проф. Устрялов научно дисциплинирован в достаточной мере. И в его намерения не входило играть фактами для такого подсказывания. Но фактами он все-таки играет. И факты у него превратились в пустые звуки, от которых нас и в самом деле «обрыдло».

* * *

Вот программная статья г. Ключникова. Ее заглавие: «Смена вех» перенесено на весь сборник. Программа сводится к повторению старинных «Вех». Как и прежние «вехисты», г. Ключников по внешности склонен каяться. Но как и вехисты, он кается, обвиняя других. А ведь, кажись, достаточно объяснялось, что уже составители книги Бытия понимали неудобство такого приема: их Господь Бог всего больше рассердился на Адама и Еву именно за этот грех. Как и вехисты, г. Ключников обвиняет интеллигенцию, не потрудившись определить, что он понимает под этим словом и кого именно обвиняет. И опять, кажется, достаточно объяснялось, что таким способом легко смешать в одну кучу Азефа¹⁶ и Льва Толстого. Но и эта истина осталась непонятой г. Ключниковым. Объяснялось, далее, что интеллигенция, даже в точном и правильном понимании этого термина, состоит из людей; каждому человеку свойственны общечеловеческие пороки; и, стало

быть, любую произвольно выбранную группу при желании можно обвинять в чем угодно, — начиная от хлестаковщины. Г. Ключниковым не понят смысл и этих весьма азбучных указаний. Подобно вехистам, он обвиняет интеллигенцию в «экстремизме», не определяя, что собственно это означает; экстремизмом в его уложении о наказаниях называется то большевизм, то максимализм, то всего лишь недостаточно уважительное отношение к государственным началам. Таким порядком на одну скамью подсудимых по одному и тому же обвинению легко могут сесть: Нечаев¹⁷ и Анненский¹⁸, Лизогуб¹⁹ и Милюков, Писарев, и Струве. Чем не процесс 193²⁰? Прокуроров за такие операции долг повелевает отстранять от должности, а публицистов — относить в разряд деятелей, неспособных нести моральную ответственность за свои слова

Сколько можно понять, старые «Вехи» понадобились язя авторитета, — чтоб воспроизвести я еще одни носимый ныне ветром звук: вся наша интеллигенция повинна в большевизме — вот от того и вышло... Наслушались мы и этого. И тоже обрыдло. Если уж обвинять, то начинайте с Петра I. Кажись, не интеллигент, а «экстремист». И какой! А если желаете обвинять в неуважении государственных начал, то прежде всего посадите на скамью подсудимых таких ведомых анархистов, как Бакунин, Крапоткин²¹, Толстой... Разное ведь бывает неуважение к государству: за иное следует осудить, а за другое надо венчать лаврами. Даже этой азбуки г. Ключников не понимает. Ему нужно лишь, чтобы вся Россия признала абсолютность реального и относительность идеального. И он, видимо, не догадывается, что его вехи, поставленные в этом направлении, приводят к апофеозу торжествующей свиньи.

Зачем понадобилось г. Ключникову пропагандировать заушение вечного и коленопреклонение перед временным? Оказывается, затем, чтобы в конечном итоге призвать нас к «приятию революции», какова она есть... Стоило громоздить Оссу на Пелион²²! Вероятно, по близости от сменовеховцев живут оригиналы, не желающие приять землетрясение...

* * *

«В Каноссу! — восклицает г. Чахотин. — Идем в Каноссу»... «Итак, мы идем в Каноссу»... Недаром Базаров²³ убеждал не говорить красиво... Не знаю, кто тут разумеется под папой. Но сразу видно, что сам г. Чахотин — не германский император... Не германский император уже поту, что тот, направляясь в Каноссу, не глядел именинником.

В Каноссу может погнать и внешняя необходимость и внутренняя потребность. Но, во всяком случае, это — тяжелая операция. И, подвергаясь ей, серьезные люди стараются обойтись без герольдов, без фанфар, без восторженных словоизвержений... Между прочим, г. Чахотин уверяет, будто борьба «сократила нашу способность к непродуктивной болтовне»... Судя по его статье в сборнике, «способность» сокращена весьма недостаточно.

Если удалить цветы красноречия, то суть сводится к следующему: г. Чахотин желает вернуться на родину и сказать советской власти:

«Признаем, что проиграли игру, что шли неверным путем, что поступки и расчеты наши были ошибочны».

Если г. Чахотин признает ошибки, то обратиться он должен не только к советской власти и не только с такими словами. За «ошибки»-то ведь заплачено потоками крови и опустошением многих губерний. Но странно г. Чахотин сознает свои ошибки. Едва упомянув о них, он тотчас же спешит добавить:

«Спрашивается, должна ли русская интеллигенция раскапываться теперь в своих прежних действиях? Нет, кажется нам, не должна»...

Оставьте, г. Чахотин, интеллигенцию в покое. Будьте добры говорить только о себе. Вы-то, сознавший свою ошибку, должны раскапываться или нет? Оказывается, не должен. Поиграл, проиграл — тем дело и кончилось. Позвольте, — а ужасы гражданской войны? А проклятия вдов, сирот? Проклятия тех, кто умирал от голода, и проклятия тех, кто от истощения и болезней не имел силы даже рыдать над дорогими трупами?..

Г. Чахотин рассуждает так:

«В этом есть положительные черты. Мы долго и упорно боролись, но зато эта борьба коренным образом изменила нас, она научила любить родину более деятельно, более жертвенно... научила нас более деловым приемам, сократила нашу способность к непродуктивной болтовне... Конечно, все эти плюсы куплены не дешевой ценой, ценою разрушения, бесчисленных жертв, отставания в ходе культуры. Но, увы, ничто в жизни, как индивидуума, так и народа, без жертв не дается. За все приходится платить»...

Чужими жизнями? Сколь грациозно рассуждает этот г. Чахотин:

Помнится, Т. Масарик²⁴ рассуждает иначе. Он кается». Он, вождь успешного восстания, говорит, что дни и ночи мучился при мысли о жертвах, и до сих пор мучается, и находит утешение единственно в том, что восстание было неошибочным, необходимым, успешным, жертвы оправданы завоеваниями... Припоминается, как мучили жертвы даже чужих революций Бакунина, как трогательно этот не-

укротимейший «экстремист» убеждал своих последователей в безнравственности и бесполезности жертв...

Впрочем, что же это я, в самом деле, из таких пушен по столь грациозному созданию... Пусть себе охорашивается и чирикает:

— В Каноссу... В Каноссу.

Это вот тоже неудобство: чирикают они о материях важных, а поля сменовеховских мыслей и чувств не больше, чем видно с чахотинской колоколенки. Чуть шагнул, уже ты вне их зрения, и не о чем тебе с ними разговаривать...

* * *

Бывают времена, когда непременно нужен мальчик, который сказал бы:

— Смотрите, король голый.

Нужен такой мальчик и теперь. Нужен потому, что сохраняется гипноз, будто короли нашей междоусобицы, начавшейся при определенной и ныне уже стертой ходом событий исторической обстановке, все еще имеют на себе какое-то одеяние.

До некоторой степени сменовеховцы и выполняют роль мальчика из старой сказки. В том и секрет, почему их книжка, никого не удовлетворившая (г. Гредескул не в счет), все же остается на виду. Но прорвут ли сменовеховцы круг гипноза, — не знаю.

Мальчик сказки был совсем маленький мальчик. Наивный, простодушный, быть может, даже глупенький. Невинный младенец. По-младенчески и пролепетал он всего лишь два слова: король голый. Именно в этой младенческой простоте и заключалась гениальность удара по гипнозу. Мальчика погладили по головке, и всем стало легче и веселее.

Но представьте, — на том же месте другой мальчик, уже научившийся таскать яблоки с древа познания добра и зла. Вместо того, чтоб сказать всего лишь два слова, он пускается в длинные рассуждения, что королю надо заказать из такой-то материи у такого-то портного штанишки и курточку. Такого мальчика, наверное, выдерут за уши (охотники найдутся), и ему прочтут нравоучение:

— Сказано ведь, что королевское платье видят только умные. Вот поэтому ты и не видишь...

Если так, то гипноз, быть может, не только не рассеется, но даже усилится.

